

А.Н. ОЛЕЙНИК

Право на когнитивное сопротивление и его реализация (о новой книге В. Макаренко)

В своих размышлениях автор отталкивается от идей, изложенных в новой книге В. Макаренко. В центре внимания проблемы взаимоотношения власти и общества, в частности научного сообщества, равно как и отношения между учеными и администраторами научной деятельности. Среди техник сопротивления произволу власти особо выделяются проблемы когнитивного сопротивления и способы его реализации.

Ключевые слова: власть и общество, администрирование, управление наукой, научное творчество.

In his discussion the author bases on the ideas outlined in the new book of V. Makarenko. The focus is on the problem of the relationship between power and society, in particular the scientific community, as well as on the relationship of scientists and managers of research institutes. Among the techniques of resistance to arbitrary power the cognitive methods are underlined.

Keywords: government and society, administration, management, science, scientific creativity.

Российский научный дискурс чрезвычайно неоднороден. Множество разделительных линий – между теоретическими подходами, научными “школами”, центром и провинцией и т.д. – затрудняет общение между российскими учеными даже в пределах одной и той же дисциплины. В частности, книги, изданные в провинции, имеют меньше шансов привлечь к себе внимание, чем те, что вышли в московских или санкт-петербургских издательствах.

Однако о целом ряде проблем в социальных науках легче писать как раз в провинции, подальше от Центра. Это касается прежде всего властных отношений. Стандартное требование к исследователю относительно поддержания дистанции в отношении изучаемого предмета в случае изучения власти означает запрет на вписанность в различные властные структуры и даже на близость к ним. Ведь Центр – это одновременно и сосредоточие всякого рода “начальства”. Объективности от исследователя властных отношений, вращающегося во властных или околовластных кругах, ждать трудно. “Интересы зависимого субъекта структурированы таким образом, что обоснования (существующего порядка. – *А.О.*), предлагаемые лицами, наделенными властью, в данном контексте (властных отношений. – *А.О.*) кажутся ему или ей убедительными. Такие обоснования могут быть поставлены под вопрос только с позиций вне данного контекста” [Beetham, 1991, p. 62].

Случай В. Макаренко подтверждает выгоды “внесистемности” и “периферийности” в изучении власти. Вся его академическая карьера связана с Ростовом-на-Дону, где он сначала долгое время возглавлял кафедру и преподавал на факультете социоло-

---

О л е й н и к Антон Николаевич – кандидат экономических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, Associate professor Университета “Мемориал” (Канада).

гии и политологии Ростовского государственного университета (ныне Южный федеральный университет), а теперь возглавляет Центр политической концептологии Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем. Однако это не помешало, а скорее помогло ему стать одним из наиболее глубоких исследователей преобладающей в российском институциональном контексте модели властных отношений, “русской власти” [Макаренко, 1998], а тиражам и резонансу некоторых опубликованных им в Ростове-на-Дону на эту тему книг позавидуют и центральные издательства (см., например, [Макаренко, 1989]).

Последняя книга Макаренко “Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли” [Макаренко, 2012] тоже издана в Ростове-на-Дону. Она касается отношений между властью и наукой, а также вопросов власти в самой науке. Конечно, формат книги, в отличие от формата отдельной статьи, позволяет развивать не одну-две, а целый комплекс идей. Однако именно трактовка автором вопросов власти – как в обществе, так и внутри науки – представляет особый интерес. Особенностью авторского подхода является акцент на сопротивлении власти. В этом смысле можно говорить о “теории сопротивления власти”, разрабатываемой автором.

М. Вебер [Weber, 1968, p. 53] определяет власть как способность субъекта (Высшего, Начальника, Принципала) навязать свою волю объекту (Нижестоящему, Подчиненному, Агенту) в процессе социального действия вопреки возможному сопротивлению. Это определение универсально: оно годится для описания отношений как между представителями государства и рядовыми гражданами или, скажем, бизнесом, так и в рамках семьи или любой другой организации, в том числе научной.

Если встать на точку зрения обладателя власти, то наибольший интерес представляют техники навязывания воли. Репертуар таких техник достаточно широк: использование силы, угроз, манипулирование, обоснование власти и т.д. [Олейник, 2011^a, гл. 2]. Выбор наиболее результативной и уместной техники с учетом специфики конкретного взаимодействия позволяет навязывать волю наиболее оптимальным образом и с наименьшими издержками.

Выбор точки зрения объекта навязывания воли означает изменение акцентов в анализе. В этом случае в его центре оказываются техники сопротивления власти. Власть и сопротивление неразрывно связаны. Без сопротивления нет власти (есть только везение), а вне контекста власти сопротивление теряет смысл. М. Фуко говорит в этой связи о диалектике власти и сопротивления: “Сопротивление... имманентно властным отношениям; оно представляет собой их неотъемлемый элемент” [Foucault, 1976, p. 127].

В отличие от других детерминантов человеческого поведения, власть не имеет “встроенных” ограничителей. Скажем, стремление к максимизации полезности или удовлетворения, используемое экономистами-неоклассиками в качестве точки отсчета при анализе человеческого поведения, неограниченно. Согласно закону убывающей полезности, каждая дополнительная единица товара или услуги представляет собой меньшую полезность, чем предыдущая. Страдающий от жажды путник рано или поздно напьется. С властью дело обстоит по-другому: каждое дополнительное властное полномочие не обязательно менее привлекательно, чем предыдущее. Пресыщение движимого жаждой власти человека может никогда не наступить.

Отсутствие “встроенных” ограничителей делает притязания обладателей власти потенциально безграничными. Точнее, единственный эффективный ограничитель притязаний обладателей власти – возможное сопротивление тех, кто ее лишен. Выражаясь словами самого Макаренко, “власть никогда не отказывается добровольно от расширения сферы регуляции и принуждается к такому отказу только под давлением гражданского сопротивления” [Макаренко, 1998, с. 281–282]. Вопросам сопротивления обладателям власти (как политической, так и научной) и посвящена обсуждаемая монография.

Власть можно ограничивать самыми разными способами: репертуар техник сопротивления тоже не исчерпывается одним-двумя элементами. Например, на баррикадах

с оружием в руках (что вполне соответствует логике использования силы как одной из техник власти). Можно это делать и на площади или другом публичном месте в формате собраний, демонстраций или шествий. Или, скажем, в суде. Автор справедливо отмечает, что “при рассмотрении случаев нанесения вреда науке путем действия (бездействия) надо использовать (*mutatis mutandis*) комплекс правовых категорий – вина, вред, нанесение и возмещение ущерба, обязанность, мошенничество, права субъекта, иск, удовлетворение иска” (с. 213).

Данные техники сопротивления хорошо известны как по историческим учебникам, так и по недавним (и нынешним) прецедентам в России. Их преимущества и недостатки известны достаточно хорошо. Скажем, с помощью вооруженного восстания или демонстрации ограничить власть можно лишь временно, ибо гарантий против воспроизведения прежней модели власти лидерами, пришедшими на волне таких событий, нет. Выходить на улицу для ограничения притязаний обладателей власти поэтому лучше не эпизодически, а на регулярной основе. Что же касается судебных методов защиты от власти, то для их результативности требуется как наличие независимой судебной системы, так и обладание существенными финансовыми ресурсами и временем.

Обсуждая техники сопротивления власти, автор вводит концепт когнитивного сопротивления. Данный термин обычно используется в рамках социальной психологии и психиатрии для описания сопротивления, скажем, потребителя рекламы или пациента, целенаправленному воздействию со стороны рекламодателя или психиатра. Макаренко предлагает не ограничиваться этими достаточно узкими рамками. Он видит в когнитивном сопротивлении одну из техник сопротивления власти, вариант “реализации классического *jus resistendi* (права на сопротивление), которое включает в свой состав когнитивное сопротивление” (с. 221).

Ссылка на исторический прецедент – *jus resistendi* – требует пояснений. Речь идет о праве сопротивления несправедливым притязаниям правителя, которым обладали представители венгерской знати по эдикту 1222 г. короля Андрея II Венгерского. В современном российском случае в качестве юридического основания права на когнитивное сопротивление можно рассматривать Конституцию РФ. Согласно Статье 29 этого документа, “каждому гарантируется свобода *мысли* и *слова* (курсив мой. – А.О.)”. Поэтому любые действия по ограничению свободы мысли, в частности посредством манипулирования, антиконституционны. В качестве механизма *enforcement*, то есть принуждения представителей государства к исполнению конституционных обязательств, подразумевается обращение в суд. При наличии серьезных сомнений в независимости судебной системы данной техники сопротивления явно недостаточно.

Когнитивное сопротивление представляется эффективным средством противодействия манипулированию как одной из ключевых технологий власти и, следовательно, одним из способов реализации права на свободу мысли. В случае манипулирования “источник подчинения объекта субъекту связан со способностью субъекта оказать скрытое влияние на объект, не осознаваемое объектом” [Ледяев, 2001, с. 292], например, за счет искажения и/или ограничения доступной объекту информации. Активное использование обладателями политической власти в России техник манипулирования посредством контроля средств массовой информации, прежде всего телевидения, обуславливает особую актуальность идеи когнитивного сопротивления. Говоря более практическим языком, требуется научить телезрителя выявлять случаи использования манипулирования и минимизировать их последствия.

Когнитивное сопротивление видится наиболее уместным в случае властных отношений в собственно научной среде. Баррикады и шествия здесь еще менее результативны, ибо слабо затрагивают источники власти в науке, а именно “академический истеблишмент”, научные “школы” и сети патрон-клиентских отношений. Научные “школы”, к примеру, представляют собой неотъемлемый элемент конституционирования российской науки. Властные отношения пронизывают отношения внутри этих организационных структур: на вершине иерархии “школы” находится ее основатель (реже – основательница), окруженный несколькими наиболее приближенными учениками,

каждый из которых, в свою очередь, тоже имеет учеников. Использование теорий и подходов, не соответствующих принятой в “школе” доктрине, не только не приветствуется, но и всячески пресекается (см., в частности, [Олейник, 2004]).

П. Бурдьё и Ж.-К. Пассерон [Bourdieu, Passeron, 1970, p. 19] называют практики навязывания определенной точки зрения вопреки возможному сопротивлению символическим насилием, которое отлично от насилия физического только по форме, но не по существу. Как отмечает в этой связи Макаренко, «отношение “мастер–ученик” все более заменяется отношением *шеф–персонал*, *патрон–клиент*» (с. 235). Вряд ли возведение баррикад в аудитории или на кафедре поможет ученикам на нижних этажах “школьной” иерархии в борьбе за их право использовать не насаждаемые сверху, а наиболее перспективные для изучения того или иного объекта подходы. Во всяком случае опыт культурной революции в Китае не позволяет на это надеяться. А вот техники когнитивного сопротивления вполне могут помочь.

Примечательно, что сама обсуждаемая монография написана автором как своего рода дань уважения, трибьют его учителю, тоже ростовскому философу и интеллектуальному диссиденту Михаилу Константиновичу Петрову (1923–1987). Однако в отличие от многих других произведений подобного жанра, в книге не найти некритического восхваления и прочих дифирамбов Учителю. Скорее, это диалог двух ученых, в котором ученик обсуждает ряд идей учителя, но чувствует себя вправе ими не ограничиваться, а идти дальше.

Стоит специально подчеркнуть, что когнитивное сопротивление не означает отрицание коммуникации, взаимодействия вообще. Право на свободу мысли не отрицает, а наоборот, предполагает признание аналогичного права за другими индивидами и обязанность быть знакомым с их точкой зрения. Обсуждаемая книга – яркая иллюстрация данного тезиса. Помимо виртуального диалога с Петровым, автор беседует и спорит с целым рядом других виртуальных или реальных (в той мере, в какой обмен мнениями происходил не только через текст, но и очным образом) собеседников. Перечислю их имена в том порядке, в каком они упомянуты в монографии: С. Неретина, Э. Ильенков, М. Бахтин, А. Лосев, Ю. Лотман, А. Гуревич, Ф. Бродель, И. Пантин, Э. Колчинский, Д. Холловэй, А. Запесоцкий, Х. Гастерсон. Речь идет не о цитируемых авторах – их, естественно, много больше (список литературы включает более 160 источников), а о тех, чьи аргументы обсуждаются на страницах книги самым подробным образом. Далеко не всегда автор согласен с точкой зрения этих ученых, но реализуя свое право на когнитивное сопротивление, он чувствует себя обязанным тщательно проштудировать их работы. По его собственному признанию, он с четырехлетнего возраста “страдает болезнью Гутенберга” (с. 59), зачитываясь книгами “взапой” и попутно делая подробные выписки и “заметки на полях” (наверное, поэтому заметкам Ильенкова на полях манускрипта Петрова уделено столь много внимания в первой главе).

В итоге когнитивное сопротивление ученого, по мнению Макаренко, может быть использовано как в отношении источников власти вне собственно науки (ввиду ее зависимости, а иногда и прямой подчиненности обладателям политической власти), так и внутри нее (ввиду зависимости большинства исследователей от представителей “академического истеблишмента”). Отказ от когнитивного сопротивления равносителен признанию подчиненного положения ученого, его отказу от реализации собственной воли в научной жизни. “Ученый (особенно русский) всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом?” (с. 138).

“Не быть холопом” в отношении “академического истеблишмента” на практике означает критическое отношение к любым авторитетам и отсутствие какого-либо стремления к занятию административных должностей (и уж тем более к “окапыванию” – *entrenchment* – на административных позициях). Для этого необходимо развитие особой культуры чтения и работы с источниками, которую можно определить как педантично-уважительно-критическая. С организационно-практической точки зрения уменьшить привлекательность занятия административных должностей для ученого можно за счет сближения базовой заработной платы ученого и зарплаты администра-

тора (на сегодняшний день последняя в разы превышает первую), а также разработки особой политики по избежанию конфликта интересов при распределении исследовательских грантов и прочих значимых для научной деятельности ресурсов [Олейник, 2011⁶].

“Не быть холопом” в отношении обладателей политической власти на практике означат отстаивание автономии науки. “Внутренние дела науки есть предмет самоуправления ученых, автономии научного познания. Власть должна отвечать только за функциональность законов и выделение на науку средств для обеспечения механизмов научного поиска” (с. 226). Автономия науки имеет вполне конкретные институциональные основания. К ним относится институт пожизненного найма после прохождения длительного (пять-семь лет) испытательного срока, или теньюр (*tenure*), система финансирования научных организаций через выделение значительных одноразовых грантов (*endowment*), которые затем инвестируют на финансовом рынке и в реальный сектор, а доходы используют на покрытие текущих расходов, и многое другое [Олейник, 2011⁶].

Подводя итог, можно предположить, что главным вознаграждением автору является педантично-уважительно-критическое прочтение его работы. В данном случае “педантичное” означает, что читатель не обходит стороной все поставленные автором вопросы. “Уважительное” – что читатель готов обсуждать даже те из них, которые представляются неприятными – например, о “холопстве” в науке. А “критическое” означает, что решения автора не воспринимаются как единственно возможные, а ход рассуждений – как заведомо не имеющий изъянов. В частности, читатель волен сам решать, как ему или ей не стать “холопом”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
- Макаренко В.П.* Бюрократия и сталинизм. Ростов-на/Д., 1989.
- Макаренко В.П.* Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли. Ростов-на/Д., 2012.
- Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на/Д., 1998.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России “нулевых” годов. М., 2011^а.
- Олейник А.Н.* Дефицит общения в науке: институциональное объяснение // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1.
- Олейник А.Н.* Underperformance в теории и университетской практике // *Журнал социологии науки и технологий*. 2011⁶. Т. 2. № 3.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. Atlantic Highlands (N.J.), 1991.
- Bourdieu P., Passeron J.-C.* La reproduction. Eléments pour une théorie du système d’enseignement. Paris, 1970.
- Foucault M.* Histoire de la sexualité. Vol. 1. La volonté de savoir. Paris, 1976.
- Weber M.* Economy and Society: an Outline of Interpretative Sociology. New York, 1968.

© А. Олейник, 2012